

Фольклористика

УДК 398(=511.112):81'373(045)

В. П. Миронова

ОСОБЕННОСТИ КАРЕЛЬСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ СУПРУЖЕСТВА И СВОЙСТВА (НА ПРИМЕРЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ ИСТОЧНИКОВ)

В настоящей статье рассматривается комплекс карельской терминологии супружества и свойства в контексте языковой картины мира. Объектом анализа послужили двуязычные, этимологические и сопоставительно-ономасиологический словари, а также фольклорные источники: фразеология, поговорки, карельские заговорные тексты, причитания, ёрги, свадебные песни рунического типа и лиро-эпические песни. В результате исследования были выявлены две группы терминов: исконно карельские (шире – прибалтийско-финские), а также позднее вытеснившие их русские заимствования. Бытование новой группы наименований родства и супружества обусловлено проходившими в Карелии социальными процессами: развитием карельско-русских связей, а также постепенной ассимиляцией карелов на территориях, находящихся в языковом пограничье. Для Северной Карелии характерно употребление исконно карельских наименований, тогда как в Южной Карелии карельские термины постепенно замещаются на русские заимствования. На основе анализа словарных материалов описана лексика супружества и свойства, определена их семантика и этимология, выявлен исконный и заимствованный характер слов. В качестве дополнительного источника привлечены фольклорные тексты, которые показали, что наряду с терминами, используемыми носителями языка в повседневной речи, широкое распространение получили табуированные наименования, выражаемые метафорами или устоявшимися формулами. Используемые в быденной речи, а также в контексте различных произведений устной народной поэзии номинации супружества и свойства или их описательные эквиваленты зачастую отражают характер отношений между различными членами семьи. Большая часть наименований обладает положительной коннотацией, однако встречаются термины, изначально наполненные негативным оттенком, иронией и пренебрежением.

Ключевые слова: карелы, карельский свадебный фольклор, поговорки, термины супружества и свойства, положительная и негативная оценка.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-352-362

Введение

Терминология супружества, родства и свойства становилась предметом изучения у широкого круга специалистов, занимающихся как русской [Бурыкин, Попов 2020], так многими другими национальными культурами, в том числе финно-угорскими [Андрианова 2010; Кривошекова 2007; Максимов 2019 и др.]. Однако до настоящего времени указанной лексике карелов не было уделено должного внимания. Между тем данная тематическая группа попутно рассматривалась этнографами в контексте описания семейных обрядов [Сурхаско 1985]. Некоторые ее аспекты были освещены при изучении терминологии женской социовозрастной стратификации [Литвин, Минвалеев 2021]. На протяжении многих лет термины супружества являлись предметом скрупулёзного лингвофольклористического анализа: номинации персонажей свадебных и похоронных обрядов, выявленных в причетных текстах, стали основой корпуса «Толкового словаря языка карельских причитаний», подготовленного А. С. Степановой [Степанова 2004], а также рассматривались в ряде научных статей этого же автора [Степанова 2003]. Схожие исследования были проведены учеными и по вепским материалам: были выявлены основные наименования членов семьи [Винокурова 2020], отмечен круг номинаций, характеризующих девушек и юношей добрачного периода [Зайцева, Жукова 2020].

В центре внимания настоящей статьи – терминология супружества и свойства, получившая бытование в традиционной культуре карелов. Материалами исследования стали двуязычные, этимологические и сопоставительно-ономасиологический словари, а также фольклорные источники: фразеология, поговорки, карельские заговорные тексты, причитания, ёрги, свадебные песни рунического типа и лиро-эпические песни. Анализ проведен на основе сравнительно-типологического и лингвофольк-

лористического методов. Комплексное изучение источников позволило определить круг используемых наименований данного типа и описать их специфику.

Термины родства в языковой картине мира карелов

Реализация концептов отец – мать

В карельской языковой картине мира супружеские и родственные отношения реализуются с помощью широкого спектра различных терминов. К числу наиболее архаичных именованных относятся карельские (шире – прибалтийско-финские) термины типа *isä* (ск.) / *ižä* (ливв.) – ‘отец’, *emä* – ‘мать’ (ск., ливв.), *antilas* (ск.) / *andilas* (ливв.) – ‘невеста’, *sulhani* (ск.) / *sulhoi* (ливв.) – ‘жених’, *isintimä* (ск.) / *ižindäm* (ливв.) – ‘отчим’ (производное от *isä*), *emäntimä* (ск.) / *emändim* (ливв.) – ‘мачеха’ (производное от *emä*).

С течением времени на территориях Южной Карелии¹, граничащих с русским населением, произошло частичное заимствование русской родственно-супружеской терминологии. В карелоязычной среде появились новые номинации, широко используемые наряду с исконно карельскими, типа *tuatto* – ‘отец’, *tuato* – ‘мать’, производные от них *tuatandim* (*tuatandam*) – ‘отчим’, *tuamandima* (*tuamandam*) – ‘мачеха’, *ženih* ‘h’y – ‘жених’, *neves* ‘ky – ‘невестка’.

Первоначально лексемы *isä* / *ižä* и *emä* имели несколько значений. Наиболее архаичная семантика наименований, на наш взгляд, закрепились в фольклорных текстах, например, в заговорах слова *isä* / *ižä*, и *emä* употреблялись при обращении к Богу и обозначали Небесного отца и Богоматерь: *Izä*, *emä*, *pyhähengi*, *poigu*, *ota paha voimatuz eäre* [KKS 1968, 462] – ‘Небесный Отец, Богоматерь, Святой дух, сын, забери болезнь’. В разговорной речи лексема *isä* / *ižä* обозначала отца, старшего мужчину в семье, хозяина дома.

Семантика слова *emä* несколько шире, помимо вышеуказанных понятий (мать и Богоматерь), данная лексема употреблялась при обозначении основной части какого-то предмета, к примеру, лодки: *emäpui* – ‘материнское дерево’; части невода: *emälaud* – ‘доска-поплавок в устье невода’ [Макаров 1990, 48], части ограждения: *emoaita* – ‘центральная огороженная часть при выпасе оленей’, части корня растений: *emäjyuri* – ‘центральный корень’ [KKS 1968, 114]. Словом *emä* называли также мотню невода или прорубь, через которую тянули невод зимой, сиденье (донце) прялки, ствол дерева, большую чурку. В повседневной речи производные от лексемы *emä* могли обозначать дно посуды с крышкой – *emus*, лиф рубахи или платья, в некоторых случаях – нижнюю часть юбки – *emusta*, кусок кожи, из которой шили сапоги – *emäs* [SSA 1992, 104]. Таким образом, основное значение полисемантической лексемы *emä* заключается в описании главной, центральной, основной части по отношению к целому предмету или понятию.

Примечательно, что лексемы *isä* / *ižä* и *emä* или производные от них *ižäččy-emäččy*, *emakko-emäkkö* зачастую обозначали пол животного. С аналогичной семантикой они активно использовались в составе сложных слов, к примеру, *emäjanoi* – ‘зайчиха’, *emäkana* – ‘наседка’, *emäpyu* – ‘самка рябчика’ и т. д. [Макаров 1998, 48] или *isäsorsa* – ‘селезень’, *isätetri* – ‘тетерев’ и т. д.

В мифологических рассказах, заговорных текстах и фразеологии широкое бытование получила лексема *tuamemä* – ‘мать земля’, ‘прародительница’. Это образ хозяйки земли, к которой карелы обращались во время различных обрядов. К примеру, во время свадебного ритуала молодая жена просила у хозяйки земли принять ее в свой род: *Muamemä, kallis kandajoini, ota omakse armahakse täh kohtah!* [KKS 1983, 334] – ‘Хозяйка земли, дорогая, меня выносившая, прими своей любимой в это место’. Сходное наименование встречается и в заговорах, направленных на излечение болезней, полученных от различных природных стихий. К примеру, для исцеления от недуга почтительно обращались к хозяйке воды, называя ее *vienemut* – ‘Мать Воды’ [Иванова 2012, 442]. Об умершем человеке говорили *meni tualemah* – ‘умер’ (букв. ушел в землю-матушку) или *tualemassa makuaja* – ‘умерший человек’ (букв. спящий в земле-матушке). В повседневной речи сохранились выражения *tuamemä kaikkii keräy* – ‘все в землю лягут’ (букв. всех земля-матушка соберет) и противоположное

¹ К Южной Карелии относятся Прияжинский, Олонецкий, Кондопожский районы, на этих территориях говорят на ливвиковском наречии карельского языка. К Северной Карелии относятся Медвежьегорский, Калевальский, Муезерский, Беломорский районы, на этих территориях говорят на севернокарельском наречии карельского языка.

tuaemä ei priimi – ‘предан проклятью’ (букв. земля-матушка не приняла) [Федотова 2000, 25]. Лексемой *emut* обозначалось предчувствие человека о каком-то несчастье или болезни, равно как и о какой-то удаче: *No omat emuoh šillä on, aina še šattuu hyväh lykkyh* [KKS 1968, 114] – ‘Есть у тебя свое чутье, коль тебе все время везет’.

В карельской терминологии супружества широкое распространение получили производные от рассматриваемых слов *isäntä* (ск.)/*ižändy* (ливв.) в значении ‘хозяин, глава семьи, муж’ и *emäntä* (ск.)/*emändy* (ливв.) в значении ‘хозяйка, жена’ или ‘свекровь’: *Emändy sie oli ukkoh luo* [KKS 1968, 116] – ‘Хозяйка, жена там была со своим мужем’. Примечательно, что наименования карельских мифологических персонажей, хозяев/хозяек леса, воды, дома, бани и т. д. представляли собой словосочетание, главным словом которого была лексема *isäntä/ižändy* – ‘хозяин’ или *emändä/emändy* – ‘хозяйка’. К примеру, *vienemändy* – ‘хозяйка воды’, *vienižändy* – ‘хозяин воды’, *mečänemändy* – ‘хозяйка леса’, *mečänižändy* – ‘хозяин леса’ и т. д.:

<i>Terveh veinižändät,</i> <i>Terveh veinemändät,</i> <i>Terveh vein vallad vahnebat!</i>	Здравствуйте, хозяева воды, Здравствуйте, хозяйки воды, Здравствуйте, сильные старейшины воды. [Иванова 2012, 183].
---	--

В повседневной речи встречаются глаголы *emändöijä* – ‘стряпать’, *emändöijäkseh* – ‘вести хозяйство’, отражающие функции хозяйки дома, а также образованный от глагола субстантив *emändus* – ‘стряпня’.

Термины *isä/ižä* и *emä* получили широкое распространение как в повседневной речи, так и фольклорных текстах. В количественном отношении преобладают примеры с основой *emä*, что, вероятно, может свидетельствовать не только об архаичности самой лексемы, но и значении женского начала в традиционной культуре карелов.

Реализация концептов невеста - жених

Следующую группу терминологии супружества составляет пара невеста-жених. За невестой первоначально закрепился термин *antilas/andilas*, обозначающий просватанную девушку до свадьбы: *Antilaš ku jo oli kihloissa, še oli antilaš* [KKS 1968, 57] – ‘Андилас, если просватана, тогда ее называли андилас’. Этимология слова *antilas/andilas* восходит к глаголу *antaa* – ‘отдавать’, ‘давать, платить за что-то’ [SSA 1992, 77]. Таким образом, семантика слова отражает реальную картину свадебного обряда, *antilas/andilas* – это девушка, отданная жениху, «проданная» или обещанная ему за выкуп. После свадьбы, а в некоторых случаях уже и во время свадьбы невесту называли *mičoi* (ск., ливв.) или *moršien* (ск.) – ‘молодица’: *Moršiemekši (alettiin kutsua) kohta kun vain sorokka peäh pantih (häissä)* [KKS, 1983, 389] – ‘Молодицей стали звать, как только сороку² на голову наденут’. Указанные термины закреплялись за женщинами, у которых не было детей, даже после рождения сына ее называли *mičoi* или *morsien*. Только после рождения дочери женщину именовали *akka* – *акка* (‘женщина’). У северных карелов за молодой женой закрепился также термин *min'n'a*, данное слово этимологически связано с глаголом *mennä* – ‘идти’ [SSA 1995, 195], так называли девушку, покидающую свой род, дом. Таким образом, возникающий в ходе свадебного ритуала целый комплекс переходов способствовал появлению определенных наименований, характеризующих статус девушки от сватовства до рождения детей определенного пола. Однако со временем указанные термины вышли из употребления, и невесту могли называть русским заимствованием *nevestä*, только что вышедшую замуж девушку – *neves'ku* (ливв.), а жену или женщину в браке, имеющую детей – *акка*.

Аналогичные изменения своего социального статуса переживал и юноша, парень, что нашло отражение в терминах, закрепленных за ним. Жениха, как и молодого мужа, от момента сватовства до рождения дочери, называли *sulhaine/sulahaine*, *sulhoi*, говорили: *Mistä soitanda kuuluu, sieldä sulahane tulou* [SSA 2000, 211] – ‘Откуда слышен звук гармошки, оттуда и жених придет’. Термин *sulhaine* известен не только карелам, но и большей части прибалтийско-финских народов [СОС 2007, 284]. К примеру, у северных карелов так называли молодого мужа, а у финнов аналогичное наименование обозначало жениха. Наряду с указанной семантикой, у карелов за лексемой сохранилось значение миловидного мужчины, а производный глагол *sulhastaa* являлся маркером добрачного периода.

² Сорока – архаичный головной убор замужней женщины.

Наряду с этим как в фольклорных текстах, так и в обыденной речи употребляется термин *sulhaset* (ск.)/*sulhazet* (ливв.) – ‘женихи’: *Häneh käytih monet šulhaset* – ‘К ней многие женихи ходили’. Подобного рода понятия относятся к соционимам, обозначавшим коллективное имя сватающихся.

Свидетельств об изменениях наименований жениха, а позже мужа сохранилось немного. Лишь редкие фольклорные источники показывают, что после рождения дочери в семье мужа называли *ukko* – ‘укко’: *Ukko da päčči kuolendoa vast armastuu. Tyttären ku soannoo, sid mičoi akaks, sulhain ukoks menöy* [KKS 2005, 399] – ‘Муж и печка лучше становятся перед смертью. Дочь если родится, тогда мучой станут звать акка, а мужа – укко’.

Наряду с карельским термином в обыденной речи закрепилось и заимствованное из русского языка слово *senihh'a* (ск.)/*ženihhy* (ливв.): *Konža koziččou, šilloin šanotah brihoa ženihhä* [KKS 1997, 335] – ‘Когда сватает, тогда парня женихом называют’; *Briha ottamah vai lähtöö, dai ženihh'a* [KKS 1997, 335] – ‘Парень как свататься поехал, уже жених’. В некоторых случаях женихом называли бо-быля, т. е. мужчину, не нашедшего себе пару и на долгое время оставшегося в статусе жениха.

Примечательно, что в текстах, приуроченных к свадебному обряду³, жениха и невесту, а также их родителей (отца и мать) представляют посредством устоявшихся описательных формул, синонимических слов и выражений. Их возникновение опирается на существование в карельской (шире – прибалтийско-финской) традиции запрета на упоминание имя или обозначение родства. В состав этих формул входили метафоры, оценочные эпитеты, отглагольные имена, указывающие на основные функции персонажей. К примеру, в причетной традиции мать представлялась как вырастившая, носившая, качающая, выпестовавшая свое дитя: *aikojaiseni* – ‘моя [меня] создавшая [вырастившая]’, *luatijaiseni* – ‘моя [меня] сделавшая, создавшая’ и т. д. [Степанова 2004, 17-24]. Отец изображался как хороший, красивый, милостивый: *armas hyväseni* – ‘мой милый хороший’, *viekaš hyväseni* – ‘мой мудрый хороший’, *lempi armoseni* – ‘мой любимый милостивый’ и т. д. [Степанова 2004, 42-46].

Аналогичные наименования матери и отца встречаются в текстах карельских ёйг [Карельские ёйги 1993, 218-220].

*Ta pitäis vet tullai kukla kuvua myöten kuvuajaisella,
Vet on kuvuajaisen kovuan kulkija
Hyvin kukkahilla töillä.
Ka še vet on valkie hyväsen vaipuvulla akäpuolella
Vesilošon virpivarši.*

Должна бы стать кукла по нраву и его создавшей,
Ведь его создавшая усердно справляет все домашние работушки,
А его светлый, хороший уже в убывающем возрасте ...
Стройного (как шнур) стана с водянистой низины.
[Карельские ёйги 1993, 87–88].

Причем, в карельских причитаниях дается характеристика родителей невесты, а в карельских ёйгах, напротив, родителей жениха. Эта особенность объясняется приуроченностью причети к локусу невесты, а ёйг – к локусу жениха соответственно.

В обозначенных текстах за невестой и женихом также сохранились свои наименования, невеста в причитаниях – несчастная, печальная жалкая и т. д.: *ozatoin varduoni* – ‘несчастный стан’, *udrane* – ‘несчастливая/жалкая’ [Степанова 2004, 60-65], в ёйгах *kukla* – ‘кукла’, *maima* – ‘рыбка’, *kukka* – ‘цветок’ и т. д. (Карельские ёйги 1993, 218). Образ жениха (или женихов) в причитаниях представлен как некто дальний, чужой, миром созданный т. д.: *etähäiset kanntut* – ‘дальние выношенные’, *ilmoin elätetyt* – ‘миром/светом выкормленные’ [Степанова 2004, 38-42], в ёйгах: *šoreivarsi* – ‘красивый стан’, *kaunistuato* – ‘красивый стан’, *šulkkutukka* – ‘шелковый волос’ [Карельские ёйги 1993, 216–217].

Зачастую в карельских свадебных текстах в репрезентации образов жениха и невесты значительное место отводится орнитоморфному коду: жених представляется как *kokko* – ‘орел’, *havulintu* – ‘глухарь’; невеста — *lintuseni* – ‘птичка’, *alli* – ‘уточка’, *joutsen* – ‘лебедь’, *kanaseni* – ‘курочка’ и т. д.

³ К вербальному коду карельской свадьбы относятся карельские ёйги, маркирующие досвадебный период жениха, карельские свадебные руны или карельские свадебные песни рунического типа, оформляющие линию контактов родов как в доме невесты, так и в доме жениха, а также причитания, были связаны с обрядовыми действиями, ориентированными на локус невесты в предвенечный период.

В целом эмоциональные эпитеты, отглагольные имена, метафоры, используемые для создания анализируемых образов в фольклорных текстах, усиливают мелиоративную коннотацию. Исключением является круг негативно окрашенных характеристик невесты в свадебных причитаниях. Однако их появление обусловлено самим свадебным ритуалом: невеста расстается с родным домом, прощается с девичеством и т. д.

Термины родства с негативной коннотацией

Ряд карельских наименований родства или супружества изначально имели негативную оценку в социуме, к примеру, к этой группе относятся первоначально карельские (прибалтийско-финские) термины *isintimä* (ск.)/ *ižindäm* (ливв.) – ‘отчим’ (производное от *isä/ižä*), *emäntimä* (ск.)/*emändim* (ливв.) – ‘мачеха’ (производное от *emä*), *appi* (ск.) – ‘свёкр, тещь’; *emäntäakka* (ск.) – ‘свекровь’, *anoppi* (ск.) – ‘свекровь, теща’; *kyty* (ск.)/*kydy* (ливв.) – ‘деверь’, *nato* (ск.)/*nado* (ливв.) – ‘золовка’. Позже часть из них уступила место русским заимствованиям: *muatušku*, *muatkoï* – ‘свекровь, теща’, *buatušku*, *buat'koi* – ‘свекр’, *muamandima* (*muamandam*) – ‘мачеха’, *tuatindam* – ‘отчим’.

Рассматривая героев волшебной сказки, Е. М. Мелетинский писал: «Мачеха – жена, взятая из другого племени. А представители чужого племени обычно рисовались первобытному человеку как исконные враги, людоеды, как существа, мощь которых, не только военная, но и колдовская, враждебна данному племени. <...> Естественно, что мачеха – женщина чужого племени – становилась в сказках злодейкой, ведьмой. [Мелетинский 1958, 182]. Подобное отношение просматривается к мачехе и в карельской сказочной традиции, где она во многом сближается с образом мифической бабы Сювяйнттери (Сююятяр), сходного с Бабой Ягой [Карельские сказки 1963, 496–498]. Примерами негативного отношения к падчерице могут стать также многочисленные примеры из карельской паремии: *Emändäm ei gu ota muato, kudai käil nostau; toizel kattau* – ‘Мачеха не как родная мать, которая одной рукой будит, другой накрывает (одеялом)’ [Макаров 1990, 48]; *Muamindamua enembäl kuundelet gu omua muamia* – ‘Мачеху больше слушаешься, чем свою мать’ [Макаров 1990, 209]. Причем, с отрицательной стороны характеризуют чаще всего мачеху: *Tuatindan pidäy brihaččuï gu omua poigua* – ‘Отчим относится к мальчику, как своему сыну’ [Макаров 1990, 387].

Анализируя пары: невестка – родня мужа, зять – родня жены, замечаем, что изначально родители мужа и жены могли иметь аналогичные наименования, но их оценка менялась в зависимости от адресата. Обособленным является термин *emäntäakka* – букв. ‘старшая женщина-хозяйка’ и *isäntäukko* – букв. ‘старший мужчина-хозяин’ и *appiukko* – букв. ‘свёкр-старший мужчина’, которые, на наш взгляд, наиболее точно характеризуют положение невестки в доме мужа. Свадебный обряд – это не только изменение социального статуса девушки-невесты, но и переход молодой женщины из одной семьи в другую, из одного рода в другой. В доме мужа между молодой невесткой и свекровью/свёкром складываются достаточно сложные отношения, в процессе которых происходит приобщение к новому роду. Фольклорные тексты наглядно иллюстрируют, что невестке приходилось во всем слушаться свою свекровь: *Muatuškal on hambahat pitkäd* [KKS 1983, 341] – ‘У свекрови зубы длинные’; *Emäntakan kera šiiät riitelöy kum mänöy miehellä* [KKS 1968, 116] – ‘Со свекровью (женщиной-хозяйкой) ругается, как замуж выходит’; *Kai itkestih nevesky moatuškan čakattuu* [KKS 1968, 465] – ‘Невестка заплакала даже после того, как свекровь поругала’; *Maltau muatušku neveskoi kuundeluttoa, neveskoiil kai pidäy kylyh kävvä selgeä pezemäh* [KKS 1974, 495] – ‘Умеет матушка заставить себя слушать: невесткам приходится даже в бане спину ей мыть’; *Robehel liendy keittämah opastau muatušku* [KKS 1974, 495] – ‘Свекровь в кузовке суп варить научит’.

Теща, напротив, уважительно относилась к зятю: *Vävy gostih tulou, ga muatuškal seinäd voiz ollah* [KKS 1974 341] – ‘Зять если в гости придет, у тещи стены в масле’. Причем ценились зятья, которые живут подальше, а если дочка вышла замуж за парня из своей деревни, его называли *huttuvävy* – букв. ‘зять-каша’, ‘кашный зять’: *Susiedu hävii, huttuvävvy rodih* [KKS 2005, 728] – ‘Соседа не стало, появился кашный зять’. Вероятно, такое наименование закрепилось за зятем, который часто бывал в доме тещи, был на глазах у нее.

Реализация концептов зять – примак

Образ зятя в целом в карельской традиционной культуре оценивается неоднозначно. С одной стороны, его уважали в семье жены, он всегда был почетным гостем: *Vävyn tulduu anopin lehmäd voidu lypsäy, a lähtiettyy ei ni maiduo* [KKS 2005, 728] – ‘Зять пришел – коровы маслом доятся, ушел – и молока не дают’. Однако к нему относились с некоторой осторожностью, не ждали от него большой помощи: *Vävyn avut olah stolan piäs* [KKS 2005, 728] – ‘Помощь зятя только за столом’, т. е. зять при-

ходить только поест. Теща не рассчитывала на его особую поддержку: *Vävyym päčč on st'oklaine, terväs sie pakud* [KKS 2005, 728] – ‘У зятя печь стеклянная, быстро с нее упадешь’. По мнению родителей девушек, не всякий парень годился в зятя: *Ei kai savet poakse pädietä, ei kaikiz jauholois talkkunoa, ei kaikiz brihoiz vävyu* [KKS 2005, 728] – ‘Не из всякой глины делают горшки, не из всякой муки толокно, не из всех парней выходят зятья’.

Образ примака заслуживает отдельного внимания. По-карельски примак *kodavävy* – букв. ‘домашний зять’, ‘зять из домика’, ‘зять из конуры’. Уже в названии высвечивается отрицательное отношение к этому персонажу в рамках сельской общины. В большинстве случаев такого зятя могла принять семья невесты, если ее родители были уже в преклонном возрасте, и в семье не было своих сыновей. В фольклорных текстах негативное впечатление усиливается за счет использования поэтических приемов, разного рода сравнений. Свидетельством этому является паремиологическая репрезентация образа примака. Он был не самым желанным зятем: *Kodavävy miehistä pahin* [KKS 1973, 349] – ‘Примак худший из мужчин’; *Kodavävy paha mužikka, hyvä mužikka ei tule kodavävyksi* [KKS 1973, 349] – ‘Примак – плохой мужчина, хороший не придет примаком’. Зачастую не заслуживал хорошего к себе отношения в семье жены: *Yks česti on kodavävyllä kui n'eveskärupal* [KKS 1973, 349] – ‘Примак что невестка-бедняжка’. Примаками в основном приходили мужчины в бедные семьи: *Kodavävy otetah kodah* [KKS 1973, 349] – ‘Примака берут в избушку’; *Hiildy ku syöz, halguo šittuz, sid olis kodavävy hyvä* – ‘Ел бы уголь, опорожнялся бы дровами, тогда бы был примак хорошим мужчиной’ [Федотова 2000, 90]. Чаще всего мужчина был вынужден стать примаком, поскольку не имел своего дома, хозяйства: *Kodavävvyu sanotah: valmehen koin syöjy* [KKS 1973, 349] – ‘Про примака говорят; пожирает готовый дом’. Он приходил в семью ни с чем: *Kodivävynä tullun, šorokkah vaihettu* [KKS 1973, 349] – ‘Примаком пришел, обмененный на сороку’. *Kotavävylä on šen verran osua taloh, min verta kynnykšeh puuta mänöy* – ‘От примака столько же счастья в дом, сколько дерева уйдет на порог’ [Федотова 2000, 90]. Заслужить уважение в семье жены надо было огромным трудолюбием: *Kodavävvyllä pidäy astavoin šorpil muata, äsken roiheze mužikku* – ‘Примаку надо поспать на остриях бороны, после этого станет мужчиной (хозяином)’ [Макаров 1990, 147].

Считалось, что с таким хозяином дом, хозяйство обязательно пропадет: *Kodavävy – koin loppu* [KKS 1973, 349] – ‘Примак – дому конец’; *Sih jäi kuldani kodini päppelipeäl, päiväh perzeim moannuol elozed jäi sil* [KKS 1993, 584] – ‘Остался мой золотой домик бездельнику, все добро тому, кто спит дни напролет’.

Таким образом, за примаком и зятем в речи закрепились свои термины: *vävy* и *kodavävy*. Лексема *kota/koda* – ‘дом, избушка’ в составе сложного слова *kodavävy* – примак обладает явной негативной оценкой, что нашло подтверждение в широком пласте паремии, раскрывающем ироническое, а в некоторых случаях пренебрежительное отношение к этому персонажу в деревенском сообществе.

Реализация концептов невестка – золовка и невестка – деверь

На протяжении долгого времени в карельской традиционной культуре был распространенная большая неразделенная семья, состоящая из нескольких поколений родственников. Наравне с отношениями невестка-свекровь, теща-примак складывались контакты в парах невестка – золовка и невестка – деверь.

Как уже отмечалось выше, отношения между молодой невесткой и семьей мужа были непростыми. Однако в народной традиции все члены новой семьи: свёкр, свекровь, деверь, золовка как равноправные члены «чужого» рода становились участниками установления новых родственных отношений. Наиболее ярко этот процесс описан в карельских свадебных песнях рунического типа на сюжет *Miero vuotti uutta kuuda* («Мир ждал новолуния»), исполняемых в доме жениха во время приезда молодой пары. Представленная с позиции невесты характеристика всех членов новой семьи имела негативную окраску. Она усиливалась за счет использования в текстах устойчивых сравнений-метафор: свёкр – волк, свекровь – медведица и т. д. По отношению к деверю и золовке использовались свои постоянные уподобления с отрицательными оттенками: ‘деверь – змея на пороге’ (*kydy – mado kynnyksel*) и ‘золовка – гвоздь в стене’ (*nado – nuoglu seinäs*).

Одним из основных мотивов рассматриваемой песни являются поучения: молодую жену наставляют, как нужно вести себя в новом доме и как необходимо строить отношения с новыми родственниками:

<i>Ei niin kun omasi koissa, Eikä varsin vanhenpiisi. Ukko on susi talossa, Akka karhu kartanolla. Käly on kykki kynnyksellä, Nato nuoklana čupussa. Näitä sie kovin varaja Kuvyn kylmiä sanoja, Navon niskanaskuloja.</i> НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 291-292.	Не так, как в своем доме, Не как в доме у родителей. Старик волком в доме, Старуха – медведица в усадьбе, Деверь змеей на пороге, Золовка – гвоздем в стене. Их ты сильно бойся, Холодных слов деверя, Подзатыльников золовки. Перевод мой – В. М.
--	---

Однако фольклорная традиция сохранила и другой, прямо противоположный сценарий отношений невестки и членов нового рода. В лиро-эпической песне *Pahan sulhon saannuh* («Жалобы молодухи»), имевшей распространение на всей территории Карелии, повествуется о том, как молодая жена плачет в лесу (в вариантах – по дороге на сенокос, сидя на пестром камне). Неизвестный (в вариантах – чужой, незнакомец, родственники: отец и мать) выведывает ее о причине слез и узнает, что батюшка (свёкр) относится к ней, как родной отец, матушка (свекровь) – как родная мать, деверь – как брат, золовка – как сестра. Молодая жена жалуется на мужа:

<i>Sehän on se mustu mado, Pidällä vičalla viuhkuttau.</i> [SKVR 1927, 267–268].	Именно он как черный змей, Машет-свищет длинной вицей.
---	---

Вероятно, это уже наиболее поздний по времени возникновения сюжет, отразивший не отношения между родами, а уже внутрисемейные отношения.

Выводы

Основываясь на словарном, а также обширном фольклорном материале, можно выделить следующие термины супружества и свойства, характерные для карельской традиции и используемые в как в речи, так и текстах народной поэзии:

Таблица 1

Наименования супружества и свойства

Отец	<i>Isä/izä; tuatto</i>
Мать	<i>Emä, muamo</i>
Отчим	<i>Isintimä/ižindäm</i>
Мачеха	<i>Emäntimä/emändim</i>
Невеста, молодуха	<i>Antilas/andilas, min'n'a, mičoi</i>
Жена, хозяйка	<i>Akka, emäntä/emändy</i>
Жених	<i>Sulhani/sulhoi, ženihh'a</i>
Муж, хозяин	<i>Ukko, isäntä/ižändy</i>
Свекр, тесть	<i>Appi, isäntäukko, appiukko, buatušku buat'koi</i>
Свекровь, теща	<i>Anoppi, emäakka, muatušku, muatkoi</i>
Невестка	<i>Nevesky</i>
Деверь, золовка	<i>Kydy, nado</i>
Зять	<i>Vävy</i>
Примак	<i>Kodavävy</i>

Наряду с собственно карельскими наименованиями как в повседневной речи, так и в фольклорных источниках довольно часто используются русские заимствования, в некоторых случаях происходит замещение архаичных наименований русизмами. Особенно это характерно для носителей ливвиковского наречия карельского языка, проживающих в Южной Карелии. Кроме того, с течением времени под воздействием изменений института семьи в деревенском сообществе стираются границы

между определенными периодами жизненного цикла. Следствием подобных процессов становится утрата исконно карельской лексики, относящейся к терминологии супружества и свойства. Устойчивыми остаются лишь наиболее употребляемые именованья.

Получившие повсеместное распространение запреты на упоминание имя или обозначение родства способствовали появлению в фольклорных текстах широкого пласта сравнений, иносказаний, метафор, ставших основой для описательных терминов.

Большая часть рассматриваемых наименований имеют мелиоративную коннотацию, однако за рядом терминов изначально закрепилась негативная оценка в социуме. В основе подобных характеристик лежат сложные взаимоотношения, к примеру, между свекровью и молодой женой сына. При-мак, мужчина не имевший своего хозяйства и дома и вынужденный прийти в дом к своей жене также испытывал неодобрительное отношение как в кругу «новой семьи», так и в деревенском сообществе.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ск. – собственно карельское наречие карельского языка

ливв. – ливвиковское наречие карельского языка

букв. – буквально

НА КарНЦ РАН – Научный архив Карельского научного центра Российской академии наук

СОС – Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков

KKS – Karjalan kielen sanakirja

SSA – Suomen sanojen alkuperä

SKVR – Suomen kansan vanhat runot

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания КарНЦ РАН

ЛИТЕРАТУРА

Андриянова Е. М. Термины родства и свойства в марийском языке // *Congressus XI Internationalis Finno-Ugristarum. Pars IV: Dissertationes sectionum: Linguistica. Piliscsaba, 2010. S. 26–29.*

Бурькин А. А., Попов В. А. Русская терминология родства и свойства: историческая динамика, аксиологические поля, коммуникативный дискурс. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2020. 320 с.

Винокурова И. Ю. К характеристике типов вепсской крестьянской семьи второй половины XIX — начала XX века (по этнографическим и лингвистическим материалам) // *Альманах североевропейских и балтийских исследований. Выпуск 5, 2020. URL: <http://nbsr.petsu.ru/journal/article.php?id=1649> (дата обращения 4.04. 2023).*

Зайцева Н. Г., Жукова О. Ю. «Пусть у вас будет девять сыновей и одна дочь»: именованья юноши и девушки в вепсском этноязыковом пространстве // *Научный диалог. № 4, 2020. С. 58–73.*

Иванова Л. И. Персонажи карельской мифологической прозы. Ч. 1. Москва: Русский Фонд Содействия Образования и Науке. 2012. 557 с.

Карельские ёйги / изд. подгот. Н. А. Лавонен, А. С. Степанова, К. Х. Раутио. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1993. 239 с.

Карельские народные сказки. Южная Карелия // изд. подгот. У. С. Конкка, А. С. Степанова, Петрозаводск, 1967. 520 с.

Кривощечкова Л. В. Об особенностях функционирования терминов родства в некоторых коми-пермяцких письменных памятниках // *Коми-пермяки и финно-угорский мир: материалы III Международной научно-практической конференции «Коми-пермяки и финно-угорский мир: будущее края – ответственность молодежи»: в 2 т. Т. 2. Кудымкар, 2007. С. 93–96.*

Литвин Ю. В., Минвалеев С. А. Пожилая женщина в карельской традиционной культуре: возрастные рубежи и социокультурный статус // *Ежегодник финно-угорских исследований. Том 15, № 1. 2021. С. 116–126.*

Макаров Г. Н. Словарь карельского языка. Петрозаводск: Карелия, 1990. 495 с.

Максимов М. А. О терминах родства по материнской линии в удмуртском языке: Источник типологической модели // *Вестник Чувашского Государственного Педагогического Университета им. И. Я. Яковлева. 2019. № 3(103). с. 126–134.*

Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.: Издательство восточной литературы, 1958. 254 с.

- Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков* / Под общей редакцией Ю. С. Елисеева и Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск, 2007. 347 с.
- Степанова А. С. Карельские плачи: специфика жанра (избр. ст.). Петрозаводск: Периодика, 2003. 216 с.
- Степанова А. С. Толковый словарь языка карельских причитаний. Петрозаводск: Периодика, 2004. 304 с.
- Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел: конец XIX – начало XX в. Л.: Наука, 1985. 174 с.
- Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск: Карелия, 2000. 260 с.
- Karjalan kielen sanakirja*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1968–2005. Osat 1–6.
- Suomen sanojen alkuperä*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000. Osat 1–3.
- Suomen kansan vanhat runot*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1927. Osa 2: Anuksen, Tverin- ja Novgorodin Karjalan runot. 739 s.

Поступила в редакцию 11.05.2023

Миронова Валентина Петровна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН
185910, Россия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
E-mail: tutkija@mail.ru

V. P. Mironova

FEATURES OF KARELIAN TERMINOLOGY FOR RELATIONSHIPS THROUGH MARRIAGE (AS REPRESENTED IN FOLKLORE SOURCES)

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-352-362

The article examines the set of Karelian terminology for relationships through marriage in the context of the language-based worldview. The objects analyzed were bilingual, etymological, and contrastive onomasiological dictionaries, as well as folklore sources: phraseology, paroemia, texts of Karelian spells, laments, joiks, runo-type wedding songs, and lyrical-epical songs. The study revealed two groups of terms: originally Karelian ones (Balto-Finnic in a broader sense) and Russian borrowings that displaced them. The new group of appellations for relationships through marriage came into use as a result of the social processes taking place in Karelia: development of Karelian-Russian contacts and gradual assimilation of ethnic Karelians living in linguistic borderlands. Northern Karelia is noted for a predominant use of originally Karelian appellations, whereas in southern Karelia Karelian terms are gradually getting replaced with Russian borrowings.

Based on the analysis of dictionary materials, the vocabulary for relationships through marriage was described, their semantics and etymology were identified, the original or borrowed nature of the words was determined. Folklore texts were used as an additional source, demonstrating that alongside the terms used by native speakers in everyday communication also widely used are taboo appellations expressed through metaphors or established formulas.

When used routinely or in the context of various pieces of oral folk poetry, nominations for relationships through marriage or their descriptive equivalents often reflect the character of the relationships between family members. Most of the appellations have positive connotations, but some terms are inherently negatively-loaded, ironical, or contemptuous.

Keywords: Karelians, Karelian wedding folklore, paroemia, terminology for relationships through marriage, positive and negative assessments.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 3, pp. 352–362. In Russian.

REFERENCES

Andriyanova E. M. *Terminy rodstva i svojstva v marijskomazykye* [Terms of kinship and properties in the Mari language]. Congressus XI Internationalis Finno-Ugristarum. Pars IV: Dissertationes sectionum: Linguistica. Piliscsaba, 2010. pp. 26–29. In Russian.

Burykin A. A., Popov V. A. *Russkaja terminologija rodstva i svojstva: istoricheskaja dinamika, aksiologicheskie polja, kommunikativnyj diskurs* [Russian Terminology of kinship and affinity. Historical dynamics, axiological fields, communicative discourse]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2020. 320 p. In Russian.

Vinokurova I. Ju. *K karakteristike tipov vepsskoj krest'janskoj sem'i vtoroj poloviny XIX – nachala XX ve-ka (po jetnograficheskim i lingvisticheskim materialam)* [On the characteristics of the types of vepsian peasant family in late 19th – early 20th century (Based on ethnographic and linguistic materials)]. *Al'manakh severnoevropejskikh i baltiiskikh issledovanii* [Nordik and Baltic studies review]. 2020, no 5. URL: <http://nbsr.petrstu.ru/journal/article.php?id=1649> (accessed 4.04. 2023). In Russian.

Zajceva N. G., Zhukova O. Ju. «Pust' u vas budet devjat' synovej i odna doch'»: imenovanija junoshi i devushki v vepsskom jetnojazykovom prostranstve [“Let You Have Nine Sons and One Daughter”: Naming a Young Man and a Girl in the Veps Ethnolinguistic Space]. *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue]. 2020, no 4. pp.58–73. In Russian.

Ivanova L. I. *Personazhi karel'skoj mifologicheskoj prozy*. [Characters of Karelian mythological prose]. Vol. 1. Moscow, Russkij Fond Sodejstvija Obrazovanija i Nauke Publ., 2012. 557 p. In Russian.

Karel'skie eigi [Karelian ioiks] /ed. composition N. A. Lavonen, A. S. Stepanova, K. Kh. Rautio. Petrozavodsk, Karel'skii nauchnyi tsentr RAN Publ., 1993. 239 p. In Karelian, Russian.

Karel'skie narodnye skazki: (Yuzhnaya Kareliya) [Karelian folk tales. South Karelia] /ed. composition U. S. Konkka and A. S. Tupitsyna. Leningrad, Nauka Publ., 1967. 520 p. In Karelian, Russian.

Krivoshheкова L. V. *Ob osobennostjah funkcionirovanija terminov rodstva v nekotoryh komi permjaskih pis'mennyh pamjatnikah* [On the peculiarities of the functioning of kinship terms in some Komi Permian written monuments]. *Komi-permjaki i finno-ugorskij mir: materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Komi-permjaki i finno-ugorskij mir: budushhee kraja – otvetstvennost' molodezhi»* [Komi-Permyaks and the Finno-Ugric world: materials of the III International scientific-practical conference "Komi-Permyaks and the Finno-Ugric world: the future of the region is the responsibility of youth"]. Vol. 2. Kudimkar. 2007. pp. 93–96. In Russian.

Litvin Ju.V., Minvaleev S. A. *Pozhilaja zhenshhina v karel'skoj tradicionnoj kul'ture: vozrastnye rubezhi i sociokul'turnyj status* [Elderly woman in Karelian traditional culture: age boundaries and sociocultural status]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. Vol. 15, no 1. 2021. pp. 116–126. In Russian.

Makarov G. N. *Slovar' karel'skogo jazyka* [Karelian dictionary]. Petrozavodsk, 1990. 495 p. In Karelian and Russian.

Maksimov M. A. *O terminah rodstva po materinskoj linii v udmurtskom jazyke: Istochnik tipologicheskoj modeli* [Maternal kinship terms in the Udmurt language: the source of the typological model]. *Vestnik Chuvashskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. I. Ja. Jakovleva* [Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I. Y. Yakovlev]. 2019. no 3(103). pp. 126–134. In Russian.

Meletinskij E. M. *Geroj volshebnoj skazki. Proishozhdenie obraza* [The Hero of the Fairy Tale: the Origin of the Image]. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoj literatury Publ., 1958. 254 p. In Russian.

Sopostavitel'no-onomasiologicheskij slovar' dialektov karel'skogo, vepsskogo, saamskogo jazykov [Comparative onomasiological dictionary of the Karelian, Veps, and Saami languages]. Editors Yu. S. Eliseev, N. G. Zajceva. Petrozavodsk, KareFskij nauchnyj centr RAN Publ., 2007, 346 p. In Russian.

Stepanova A. S. *Karel'skie plachi: spetsifika zhanra* [Karelian lamentations: the specifics of the genre]. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2003. 216 p. In Russian.

Stepanova A. S. *Tolkovyj slovar' jazyka karel'skikh prichitanij* [Explanatory dictionary of the language of Karelian lamentations]. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2004. 304 p. In Karelian, Russian.

Surkhasko Yu. Yu. *Semeinye obryady i verovaniya karel: konets XIX – nachalo XX v.* [Family rites and beliefs of the Karelians: the end of the 19th century - the beginning of the 20th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1985. 174 p. In Russian.

Fedotova V. P. *Frazeologicheskij slovar' karel'skogo jazyka* [Phraseological dictionary of the Karelian language]. Petrozavodsk, Karelija Publ., 2000. 260 p. In Karelian and Russian.

Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura Publ., 1968–2005. Osat 1–6. In Finnish and Karelian.

Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura Publ., 1992–2000. Osat 1–3. In Finnish and Karelian.

Suomen Kansan vanhat runot. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura Publ., 1927. Vol. 2: Anuksen, Tverin – ja Novgorodin Karjalan runot. 739 p. In Finnish and Karelian.

The paper was written within a collective planned project at the KarRC RAS

Received 11.05.2023

Mironova Valentina Petrovna

Candidate of Philology, Senior Researcher
Institute of Linguistics, Literature and History, KarRC RAS
11, Pushkinskaya st., Petrozavodsk, 185910, Russia
E-mail: tutkija@mail.ru